

Интерлюдия первая

Середина XVI века, Ирландия

Высокий мраморный постамент надежно скрывал Алишу от тех, кто мог ненароком заглянуть в небольшую комнату на верхнем этаже башни. Но если вошедшему вздумалось бы сделать пару шагов внутрь и осмотреться — беглянку сразу бы обнаружили.

Стены часовни были искусно украшены мелкой мозаикой молочно-бежевого цвета, наполняющей пространство ощущением тепла и уюта. Купол потолка по прошествии времени тоже будет радовать прихожан изыском узоров, но пока неизвестный художник лишь сделал наброски будущей фрески... и пропал. Поговаривали всякое, но Алиша знала, что бывает, если не угодить главе ирландского клана¹.

¹ Клань в Ирландии существовали с глубокой древности и до XVII века. Они возглавлялись вождями, а само слово клан (или *fine* по-ирландски) происходит от кельтского гэльск. *clann*, что в переводе значит род. (Прим. авт.)

Вздыхнув, она сильнее стиснула в пальцах тонкий, украшенный металлическими завитками канделябр, но им ли отбиваться от вооруженных мечами стражников?

Она сидела, привалившись спиной к постаменту, и напряженно вслушивалась в каждый шорох, но тревогу пока не подняли. Замок жил обычной жизнью: сновали слуги, скрипели половицы, лаяли собаки. На заднем дворе визжала плеть, вскрики несчастного доносились через расписные витражи часовни. Сквозь них же проникали и лучи закатного солнца, стекая багрянцем по мозаике стен. словно кровь. Алиша передернула обнаженными плечами.

«Дурной знак... Нет! Это просто закат!»

На лестнице раздались осторожные шаги, и сердце Алиши бешено застучало о ребра. Она упала на колени и, дрожа всем телом, зашептала молитву — слабое оправдание, глупое. Но может сработать, если в дверь войдет кто-то из слуг.

«Я молюсь. Уповаю на милость Господа и ничего боле. Никого не жду, ни на что не надеюсь. Только молюсь».

Но если на пороге возникнет О'Кэррол...

Тошнота подступала к горлу от одного воспоминания о его колючей бороде, царапающей кожу, о шершавых ладонях, привыкших держать

меч и с такой же силой сдавливающих ее тело... Она перевела взгляд на свои руки, покрытые синяками, сбилась с молитвы и начала заново. А шаги становились всё ближе и ближе. Кто-то замер возле двери и, чуть помедлив, потянул за ручку:

— А́ли? Ты здесь?

Ее голос сорвался, и Алиша визгливо выкрикнула слово из молитвы. С безумно колотящимся сердцем она выскочила из-за поста-мента и бросилась в объятия Патрика, прижа-лась к нему изо всех сил, дрожа от напряжения:

— Как же ты долго! Я чуть с ума не сошла!

— Тише, тише, — он замер, но через несколько мгновений отстранился, потирая шею, в которую от тесных объятий впился натя-нувшийся шнурок амулета. Патрик спешно заправил под рубаху железный четырехлист-ный клевер.

— Прости! — Алиша виновато прикусила губу.

— Ничего, — усмехнулся он и показал на заплечную торбу. — Всё готово: лепешки, вода, немного вяленого мяса. Одежду тоже раз-добыл и припрятал на конюшне — стащил пла-тье у Сибил, это девчонка, что помогает Ниссе...

— Потом, всё потом, — прошептала Алиша, перебивая его. Она видела, что Патрику

не терпелось поведать о том, как всё прошло, но конечная цель была важнее. Еще один шаг на пути к свободе сделан. Осталось самое малое — незамеченными спуститься до первого этажа, по коридору для слуг пройти в подвал, дальше пробраться сквозь крипту и выйти к скотному двору. А там повозки торговцев, что прибыли в замок еще несколько дней назад. Алиша видела разодетых иноземных господ в день их приезда, но пир прошел, и они словно растворились. Патрик сказал, что их кони до сих пор в стойлах, и самое время позаимствовать одного каурого жеребца.

Беглецы осторожно спускались по винтовой лестнице, перебежками миновали открытые площадки и молились. Вернее, молилась Алиша. О чём думал Патрик, она могла только догадываться. Слишком юный, чтобы понимать всю серьезность их поступка, слишком наивный, чтобы в полной мере осознавать, что О'Кэррол сделает с ним, если поймает. Ей было совестно, что она втянула Патрика в свои беды. За неповиновение и предательство его не пощадят, не оставят в живых. Но за себя ей было еще страшнее.

«Не поймает», — тряхнула она головой, отгоняя непрощенные мысли. — «Не найдет. У нас всё получится!»

Алиша чуть подняла подол ненавистного алого платья, чтобы не споткнуться на ступенях. О'Кэррол заставлял ее носить только такие — яркие, вульгарные, открывающие слишком много его маслянистому взгляду. И не только его. Даже Патрик порой смотрит на нее так... словно она не леди, а продажная девка. Впрочем, зная условия, на которых она уже год жила в замке О'Браннонов, участь трактирной шлюхи уже не казалась такой ужасной. Они, во всяком случае, вольны идти куда глаза глядят.

«Не имеет значения, как смотрит Патрик. Пока помогает, он друг. Влюбленный друг. И болван. Не важно. Скоро я облачусь в серое сукно, и никто не сможет опознать в невзрачной служанке игрушку главы клана...»

— Далеко собралась, сокровище мое?

Пропась. Бездонная, холодная, выстуженная пропасть затянула в свои объятия звуком ненавистного голоса; запахом браги, стали и дубленой кожи ремней; мерзкой влажностью на губах, оставшейся после грубого многообещающего поцелуя. И от обещаний этих ноги Алиши подкосились. Кто-то подхватил, поддержал под руки, но пропасть уже ощерилась, готовая поглотить весь свет, что еще теплился в ее душе.

— А́ли!

Жалобный окрик Патрика заставил встрепенуться, вынырнуть из пелены ужаса и оглядеться. Они успели лишь мельком столкнуться взглядами, прежде чем их разделила мощная фигура О'Кэррола. Но страх, застывший на простодушном лице Патрика, навечно останется в памяти.

— Проводите *миледи* в ее покои! — О'Кэррол издевательски выделил уважительное обращение голосом. — Ей нужно отдохнуть, набраться сил. Ночь предстоит долгая. А со щенком, что вздумал покуситься на хозяйское имущество, мы пока немного потолкуем за столом для моих самых *любимых* гостей...

Один из стражников глумливо осклабился, другой дернул ее за руку, вынуждая шагать дальше. Кто-то что-то говорил, но слова не достигали разума, растворяясь пылью разбившихся надежд, кажется, кто-то даже смеялся. Над ней. Над ними. Над попыткой изменить судьбу. Но Алиша слышала другое — как за дубовой дверью пиршественной залы лязгают цепи и жутко скрежещут механизмы, отсекая ее от вожденной свободы.

КОЛЕСО ФОРТУНЫ

Фортуны власть, поверь мне, так сильна,
Что ей перечить — глупо и опасно.

Данте Алигьери

Комплекс Рона

Настоящее время, Россия

— Давай, давай, давай...

Николай нетерпеливо барабанил пальцами по рулю. Вдоль трассы тянулись пожелтевшие поля со скрученными стогами сена. Солнце еще не успело подняться высоко, так что трава, вероятно, не просохла от ночной росы. Впереди пасторальный вид загромождал пыльный борт грузовика, на котором кто-то коряво написал: «Помой меня!».

В Иннополисе² их ждала уютная двухкомнатная квартира. Чистая, стильная и с бутылочкой шампанского в холодильнике — комплимент от владельца. По крайней мере, так было указано в объявлении посуточной аренды. Но до города еще нужно было доехать.

Вздохнув, Липа покосилась на приборную панель. Стрелка спидометра не желала подниматься выше пятидесяти, чем изрядно всех раздражала. Особенно

² Иннополис — город-спутник Казани в Республике Татарстан.

нервничал сидевший сзади Антон. Негодование сквозило в его резких, дерганных движениях. В выражениях он тоже не стеснялся, периодически комментируя пробку, в которой они застряли, на отборном русском матерном.

— Да прижмись ты уже к обочине, урод! — Антон рывком протиснулся между сидениями и нажал на клаксон. Николай, не ожидавший вторжения в личное пространство, рефлекторно дернул плечом, а вместе с ним вильнул и автомобиль.

— Совсем, что ли, крыша съехала?! — испуганно вскрикнула Ира. — Сядь на место!

В зеркало Липа увидела, как подруга вцепилась в футболку Антона и потянула его назад. Он неуклюже приземлился — прямоком на упаковку крекеров, судя по характерному хрусту.

— Да чтоб тебя!

— А ты не лезь, куда не просят.

— А чего этот баран, — Антон махнул рукой на грузовик впереди, — раскорячился на всю полосу? Полчаса за ним плетемся. И так опаздываем. Договаривались же, что к десяти подъедем. Чуть футболку мне не порвала когтями искусственными.

Последнюю фразу он адресовал своей девушке. Высокая и худая от природы, Ира носила пепельно-белое каре на удлинение. Косая челка стильно падала на глаза, из-за чего подруга периодически встряхивала головой, как норовистая кобылка. Впрочем, Ира

такой и была — резкой, бескомпромиссной, зачастую излишне прямолинейной. Не могла промолчать, когда требовалась гибкость.

— Да лучше б порвала, — проворчала Ира. Заостренные черты ее лица не теряли изящности, даже когда она злилась. — Кто вообще сейчас носит футболки с рок-группами? Тебе двадцать семь или все еще пятнадцать?

— Верни мой 2007-й, детка, — придурковато хихикнул Антон и, красуясь, провел ладонями по вискам, искусно выбритым умелыми руками мастера из барбершопа. Наверняка его туда Ира и затащила, насильно выдернув из-за компьютера. Она всегда следила, чтобы Антон, повернутый на работе, не забывал про реальную жизнь и выглядел при этом ей под стать, а не как карикатурный айтишник, волосатый и небритый.

— Мозги тебе вернуть надо!

На заднем сиденье стремительно набирала обороты очередная перепалка. Липа обреченно переглянулась с Николаем и вздохнула. И как Ира и Антон продержались вместе восемь лет, при их привычке постоянно ссориться? За пару часов, на которые растянулась злополучная поездка, эти двое успели поругаться раз десять, а может, и больше. Липа перестала считать, как и пытаться помирить импульсивную парочку. Скорее, теперь корила себя за то, что вообще поддавалась на уговоры и согласилась провести выходные не дома.